

18+

Алексей Шамонов

СЛУШАТЕЛЬ
В ЧЁРНОМ КВАДРАТЕ

роман-фарс

Алексей Шамонов

Слушатель в чёрном квадрате

«Издательские решения»

Шамонов А.

Слушатель в чёрном квадрате / А. Шамонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517560-1

Человек, умеющий слушать, никогда не остаётся без награды. Как приятно осознавать, что предоставил собеседнику возможность высказаться, а некоторым и излить душу. А какие при этом узнаёте истории и забавнейшие суждения — дух захватывает. Такое не сможет вообразить даже самый талантливый сочинитель. Но чем больше слушаете, тем больше сами начинаете верить в сказанное.

ISBN 978-5-00-517560-1

© Шамонов А.
© Издательские решения

Содержание

1. Как всё начиналось	6
2. Кипрские разговоры	14
3. Теория хлопущки	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Слушатель в чёрном квадрате

Алексей Шамонов

© Алексей Шамонов, 2020

ISBN 978-5-0051-7560-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Как всё начиналось

Вот, что я хочу вам сказать, запомните: умение слушать собеседника ничуть не менее ценно, чем искусно говорить самому. Людей, обладающих этим исключительным качеством в разы меньше, чем страстных любителей отгрузить вам что-нибудь в уши.

Да, что там в разы; в десятки, в сотни раз меньше.

А вот индивидов, сочетающих в себе оба этих качества, можно пересчитать чуть-ли не по пальцам. Во всяком случае среди моих многочисленных знакомых таковых вообще не имеется. Ну, естественно, за исключением самого меня.

Но уж если честно, в последнее время слушать я люблю значительно больше, чем говорить. То ли жду услышать что-нибудь действительно новое и интересное, о чём и не догадывался, то ли пытаюсь лучше разобраться в собеседнике и убедиться в его недалёкости или наоборот большом уме, а может, увы, из-за столь присущей мне лени. К последнему я склоняюсь более всего.

В оправдание себе, хочу вас уверить что слушать – это то ещё занятие, и уж досужим развлечением оно точно не является. Если хотите моё мнение, то слушание можно без всяких натяжек назвать трудом, причём не самым лёгким. Но в моём случае – любимым трудом, что согласитесь встречается достаточно редко. Причём, поверьте пока на слово, трудом благородным и чрезвычайно востребованным.

А сколько вполне приличных и много повидавших людей, у которых просто язык горит от желания поделиться с благодарным слушателем информацией, не могут найти себе достойного собеседника – уйма, и им очень повезёт если на их пути встретится такая «редкостная птица», как я.

Это лишь на первый взгляд кажется, что всё легко и просто – сиди, да смотри в рот разошедшемуся оратору, который чуть-ли не слюной брызжет от упоения собственной компетентностью и значимостью. Ан, нет, совсем и не легко, и вовсе не просто! Умение слушать, скажу я вам, – это не только труд, а нечто большее – целое искусство. И среди мне подобных есть свои Микеланджело, Рубенсы и Боттичелли, но таких уникалов, естественно, единицы; штучный, как и во все времена, товар. Но и слушатели рангом пониже, наподобие меня, в связи со своей малочисленностью, тоже очень и очень востребованы.

Сложность ещё и в том, что не все люди, готовы сразу же (на это есть множество различных причин) активно включиться с вами в беседу, и моя задача – всё же заставить их это сделать, при чём таким образом, чтобы разговор шёл для них в удовольствие, и рассказчик в общении не испытывал ни малейшего дискомфорта.

Обладая таким исключительным качеством, я, наверное, вполне мог бы стать успешным журналистом, и интервьюировать всевозможных знаменитостей, вынуждая их, на потеху публики, делиться сокровенным.

Хотя нет, востребованный журналист из меня не получится, ведь я с детства приучен говорить только правду.

Пристрастие к слушанию началось для меня незаметно, исподволь увлекая всё больше и больше. Ещё не так уж давно я сам был страстным любителем рассказать что-нибудь собеседникам, временами даже с жаром перебивая их речи. Ближе к годам тридцати, подобное стало происходить со мной всё реже и реже, и когда я это осознал и начал анализировать, то не смог объяснить причину произошедшей метаморфозы.

Более скажу, я даже испугался за своё психическое здоровье, и было собрался обратиться к соответствующему специалисту. Но когда понял, что людей я вовсе не сторонюсь, а даже наоборот, ещё больше ищу с ними общения чем раньше, и они при этом с охотой откликаются,

успокоился. Что из того, что я стал меньше произносить слов, зато собеседник с лихвой компенсирует не сказанное мною.

У вас, наверное, сложилось впечатление, что я стал таким молчуном, но это совершенно не так, я просто стараюсь не произносить фраз, сбивающих и мешающих моим собеседникам раскрыться. А если чувствую, что для этого требуется полноценный диалог, то активно в него включаюсь.

У меня нет ни от кого никаких секретов, и, если вы заинтересовались, и желаете овладеть умением слушать, я с радостью готов поделиться своим опытом и некоторыми хитростями. Возможно, многое из изложенного мной не станет для вас откровением, но о чём-то вы, наверняка, узнаете впервые.

***

Для начала, очень кратко пробежусь по некоторым постулатам этого мастерства. Чтобы с самого начала излишне вас не утомлять, прежде всего остановлюсь на основополагающих принципах.

Самый главный – основа основ, краеугольный камень, фундамент; называйте как больше нравится, – я сформулирую так: каждый человек просто жаждет быть услышанным, даже тот, который считает, что ни в каком общении совершенно не нуждается, и никому ничего рассказывать не желает. Здесь всё достаточно банально: просто такие люди пока не нашли именно своего слушателя, ведь в их случае это должен быть не абы кто, а человек умеющий помочь им преодолеть некие внутренние барьеры. Искать причины появления этих барьеров, на данный момент, не входит в сферу моих интересов, и при необходимости, оставим это на откуп соответствующим специалистам. В конце концов это их хлеб, который я не собираюсь у них отбирать.

Кстати, одним из приёмов временного снятия барьеров, является употребление алкоголя. Но этот способ не ахти какой надёжный, а также достаточно опасный, и до какого жалкого состояния может довести человека – общеизвестно. Так что намеренно применять его я настоятельно не рекомендую, хотя не имею ничего против если беседа происходит за столом, когда некоторое количества спиртного бывает очень даже уместно.

Теперь ещё один постулат: настоящий слушатель всегда должен стараться быть на одном уровне с собеседником, или (но далеко не всегда), чуть-чуть ниже. Но тут главное не переусердствовать, и не дать усомниться оппоненту в достойности того, чтобы с вами разговаривать на равных.

Если вы знаете, что выше его в интеллектуальном развитии, то никоим образом не показывайте этого. А если уверены, что собеседник явно умнее вас, то в начале беседы попробуйте подвести его к той теме разговора, в которой вы компетентнее, или хотя бы находитесь на одной ступеньке с ним.

Комплексовать, а тем более бояться чего-либо, и из-за этого уклоняться от общения с людьми острого ума, никоим образом не стоит. Они отлично осознают свои способности, и, из-за отсутствия альтернативы, привыкли общаться с менее одарёнными личностями.

Запомните: Если вы не индивид, с заторможенной реакцией на действительность, назовём это так, то каждое общение с человеком в чём-то превосходящего вас, даст отличную возможность, хоть чуть-чуть, приблизиться к его уровню, тем самым повышая вашу привлекательность как собеседника, а в нашем случае – слушателя.

Итак, если передо мной малознакомый человек, то перво-наперво я стараюсь как можно быстрее понять к какому типу собеседников он относится.

Их на самом деле намного больше, но я для себя определил пять основных их видов.

Первые, и достаточно распространённые, это те, которые считают, что знают о жизни намного больше остальных, при этом имеют великую потребность поделиться своими мыслями и знаниями с окружающими. Их речь может длиться нескончаемым потоком сколь угодно долго; вплоть до того момента когда вам, найдя подходящий момент, удастся вклинить в их монолог пару фраз, на которые получите в ответ ещё несколько заурядных и скучных историй, произошедших с ними или с кем-то из их многочисленных знакомых.

С такими людьми достаточно сложно корректно закончить разговор, и когда мне совсем уж становится неважно, я, к своему стыду, предпочитаю просто-напросто ретироваться, сославшись на внезапно открывшиеся обстоятельства.

У меня было три случая, когда я, в то время, когда столь словоохотливый собеседник ненароком отвлекался, писал жене СМС с просьбой срочно позвонить мне, но ничего в трубку не говорить.

После одного такого звонка я придумал, что у меня дома начался пожар, в двух других случаях мне пришлось выдумать, что у моей, якобы беременной, жены начались преждевременные схватки, и надо срочно бежать к ней на помощь.

Я уже говорил о своей чрезвычайной правдивости, и отлично понимаю всю пагубность привычки обманывать. Но как же быть в данном случае? Ведь ещё хуже высказать собеседнику, что вы думаете о нём на самом деле, а именно то, какой он крайне занудный и малоинтересный в общении человек.

Нет и ещё раз нет! Допустить такое, хоть мало-мальски интеллигентный человек, а тем более слушатель, не имеет права.

Я крайне раскаиваюсь в столь некорректных с моей стороны поступках, и нахожу оправдание лишь в том, что они случились достаточно давно, после чего я не позволял себе ничего подобного.

Людей, отнесённых к данной категории, я называю – радио. С ними, на первый взгляд, проще всего. Сиди да делай вид что слушаешь, думая о чём-то своём, пока тебе совсем уж не станет тоскливо.

Второй тип, самый многочисленный, но и самый для меня интересный. В моей квалификации – зергуть, ниже я поясню, почему они с недавних пор, получили от меня такое необычное название.

Такие люди тоже уверены, что умнее, и знают о жизни намного больше тебя, но, если не слышат откликов на свои слова – тушуются, и, в отличии от «радио», могут зажаться, и даже прекратить общение.

Вот здесь начинается самое интересное, где и необходимо в полной мере проявить свой талант слушателя. Где-то своевременно улыбнуться или даже рассмеяться в голос, в нужный момент махнуть головой в знак согласия, где-то вставить уточняющую фразу или попросить рассказать поподробнее, задать какой-либо малозначительный вопрос по теме беседы; а где-то даже вскочить со стула и в восторге, разводя руки и смотря на него горящими глазами, с выдохом произнести – «не может такого быть!». Всё! Теперь он знает кто его лучший друг от которого у него нет никаких тайн, а если вдруг таким собеседником стал непосредственный начальник, то ты теперь один из его лучших работников, даже несмотря на то, что бездельник, спустивший на тормоза не одно его задание.

Последнее рассуждение – вовсе не про меня, а приведён лишь некий эфемерный пример. Я, кстати, человек очень даже ответственный, и на работе у меня почти безупречная репутация.

К слову, хочу сразу предостеречь, что с начальниками есть один достаточно противоречивый нюанс: в разговоре с ним надо показать, что ты вовсе не дурак, но и не изображать из себя эдакого умника.

Третий тип собеседников тоже требует постоянного отклика на их слова. Но не просто отклика, а активного несогласия с его трактовками событий. Они уверены, что оппонент

должен обязательно иметь свою точку зрения, причём желательна кардинально отличающаяся от их версии, и всячески её отстаивать. В случае, если начинать во всём соглашаться, то такие люди чувствуют себя обманутыми, ставя в вину, что ты дескать не желаешь докопаться до истины, которая, как им известно рождается в споре.

Я крайне ценю философские взгляды великого Сократа, и преклоняюсь перед его мудростью, но с этим изречением категорически не согласен. Хотя в то далёкое время может было и по-другому – не знаю, но вряд ли.

Разве может столь серьёзная дама как Истина, родиться в таком бардаке как спор. Он скорее является отцом тупика. И в данном случае обоих спорящих можно смело назвать тупиками – они того вполне заслуживают. Именно так я и прозвал людей этой категории.

Никакую истину они родить не в состоянии; в большинстве случаев, нет у них соответствующих органов ни в голове, ни в каком-либо другом месте. А вот разругаться, или пуще того – подраться между собой, очень даже запросто. И вот вместо истины, которая и не подозревала, что её собралась родить, имеем вдрызг разорванные отношения, а то и подбитый глаз или шишку на лбу. Ну, да ладно, продолжаю дальше.

Четвёртый тип – соглашатели. Это те люди, которые вроде и имеют своё мнение, и охотно делятся им с тобой, но если возразить и высказать свою, отличную от их, точку зрения, то они тут же согласно машут головой, и моментально меняют свои позиции. При этом искренности в их словах столько же, сколько в вегетарианском супе мяса. В этой категории самое интересное выудить у собеседника, то, что он думает на самом деле, а не то, о чём говорит, пытаюсь не вступать хоть в малейшую конфронтацию.

И, наконец, пятый тип – я назвал бизоны.

Чтобы услышать от них, то, о чём на самом деле им хочется рассказать, ни в коем случае нельзя подвергать ни малейшему сомнению их суждения. Пытаться хоть как-то изменить их позицию невозможно, что, в принципе, никогда и не входит в планы настоящего слушателя.

Да, забыл сказать, есть ещё одна, не классифицируемая группа людей – это мои друзья и товарищи, которых я знаю, как облупленных чуть ли не с самого детства. От общения с ними получаешь массу положительных эмоций. С ними, за полной ненадобностью, никаких своих слушательских приёмчиков я (за редким исключением) не применяю.

С говорунами первого и четвёртого типа я, конечно, достаточно часто общаюсь, но не очень это люблю, обычно с ними неинтересно и даже скучно, но тем не менее, иногда проскакивают достаточно забавные суждения. Людей третьего типа, во избежание нервирования моей достаточно уязвимой натуры, пытаюсь по возможности всячески избегать, а вот со вторым типом с превеликой охотой общаюсь, оттачивая на каждом из них своё умение быть их благодарным слушателем.

В пятой категории попадают как очень умные люди, так и не обладающие хоть сколь-нибудь внятным интеллектом. Так что тут как повезёт. Хотя с умным человеком, к какой бы категории он не принадлежал, общение никогда не бывает пустой тратой времени.

Представители всех этих категорий, в чистом, эталонном виде, встречаются достаточно редко, чаще бывает, что человек сочетает в себе качества сразу нескольких групп. В этом случае я их классифицирую по доминирующей черте.

Причём у некоторых собеседников в различное время могут меняться сочетания черт. В один день в них больше радио, в другой раз они почти стопроцентные соглашатели или тупики.

От чего такое происходит я точно сказать не берусь. Может зависит от настроения человека, или погоды, да хоть от фазы Луны. Предположить можно всё что угодно. Но такое встречается крайне редко, и является исключением, которое пока можно не брать в расчёт.

***

Первым моим, если можно так сказать, клиентом, с лёгкой руки кого всё и началось, стал мой одноклассник. Очень замкнутый и чрезвычайно немногословный молодой человек. Даже в весёлых студенческих компаниях он всегда предпочитал молчать, правда, при этом вовсе не игнорируя питьё и закуску. В разгар веселья к нему, по уже сложившейся традиции, обязательно кто-то обращался с одной и той же просьбой:

– Вань, ну скажи хоть что-нибудь.

После этого он неизменно поднимал глаза на говорящего, и с каменным лицом, на полном серьёзе произносил:

– Да.

Все дружно хохотали и были чрезвычайно довольны. После чего оставляли Ивана в покое, продолжая веселиться. Не подумайте, что он оставался безучастным; вовсе нет. Если были танцы, то он отплясывал получше многих, если происходили какие-то застольные игры, то он и в них активно участвовал, но делал всё это исключительно молча, с лицом не выражающим никаких эмоций.

И вот однажды, когда мы, почти не обращая друг на друга внимания, сидели рядом в факультетском читальном зале, и корпели каждый над своей курсовой работой, мне совершенно случайно, тогда ещё ни в коей мере не ставя такой цели, удалось его разговорить.

У меня, как не напрягался, что-то никак не сходилось в формулах, и я от безысходности, попросил его помочь.

Да, забыл упомянуть, что Ванька уверенно шёл на красный диплом, и угрюмость ни коим образом на мешала его чрезвычайно «светлой» голове.

Он, явно нехотя, небрежно кинул взгляд на мои записи в тетраде, и через несколько секунд ткнул пальцем в одно из уравнений.

– Здесь не десятичный логарифм, а натуральный.

Задай я вопрос: типа – а почему, и думаю на этом всё бы завершилось. Едва ли бы он стал произносить много слов, пытаясь объяснить очевидные для него вещи. Но я как-то слёту разобрался в его правоте.

– Вот, это да! Никогда бы не подумал, что можно так быстро обнаружить настолько незаметную ошибку, – восхищённо произнёс я.

Через пару минут, обратив внимание на ещё одно замешательство, Ванька молча взял в руки мою тетрадь, и без всяких просьб обнаружил ещё две ошибки.

Я на него с таким изумлением и одновременно восторгом посмотрел, что на его, обычно безэмоциональном лице появилась улыбка.

Дальше уже было всё просто. Когда мы вместе вышли из зала, он по дороге рассказал мне многое из своей жизни. Как ему тяжело учиться, живя в общежитии, где мало кто думает о занятиях, а большинство интересов сводятся к развлечениям, девчонкам и выпивке.

Выяснилось, что он недавно устроился по вечерам работать, и хочет снять маленькую комнату в коммуналке, чтобы всецело сосредоточиться на учёбе, ведь у него есть мечта – после получения диплома остаться на кафедре, поступить в аспирантуру, чтобы после её окончания и защиты диссертации, устроиться на престижную, высокооплачиваемую работу, и купить, пусть даже в ипотеку, квартиру.

Оказалось, что своего отца он плохо помнит, ведь тот ушёл из семьи, когда Ваньке едва исполнилось семь лет. Сам он родом из Ярославля, где и сейчас живёт его матушка. Она, работая нянечкой в детском саду, получает сущие копейки, и ничем не может помочь сыну, тем более на её попечении ещё Ванькина младшая сестра, которая через год заканчивает школу.

– Учится на одни пятёрки, – с гордостью похвастался Ванька, – Очень хочу, чтобы она поступила к нам в университет, а потом осталась жить в Москве, удачно вышла замуж, а я стал бы во всём ей помогать, – мечтательно произнёс он.

Я был просто ошеломлён, тем, что он начал говорить, и как уверенно и умиротворённо выглядел, когда мы расставались; и в этот самый момент я понял, что вовсе не хотя этого, совершил, наверное, первый в жизни, по-настоящему благородный поступок, предоставив человеку возможность выговориться.

Вот именно после этого случая у меня возникла какая-то внутренняя потребность слушать, и я впредь старался не пропускать возможности пообщаться с кем-либо. Скоро это вошло чуть-ли не в привычку, и я чувствовал себя крайне неуютно, считая день потерянным, если в течении его основательно не пообщался хотя бы с одним человеком. При этом, если отсутствовали явные предпосылки к активному диалогу, сам предпочитал молчать, ограничиваясь короткими фразами.

Правда, иногда буквально обуревают желание что-либо рассказать самому, и я, не выдерживая, начинаю без умолку говорить, а тогда меня уже остановить трудно. Хотя подозреваю, что в таких исключительно редких случаях, моими оппонентами являются такие же как я любители послушать, только более высокого ранга.

***

В скорости я понял, что в довесок, у меня появилось и достаточно занятное хобби. Я стал коллекционером, но собирал не марки, значки или монеты, а яркие высказывания моих собеседников.

Началось всё с рассказа одного знакомого студента медика, в речи которого однажды прозвучала фраза – «он стоял и гнул ноги». Выражение, конечно, так себе, но чем-то оно зацепило, и запомнилось. Затем последовали фразы некоего современного «Кулибина», похваставшего изобретением противотанковых очков, а затем, вальяжно откинувшись на спинку стула, и водрузив ногу на ногу, он с гордостью признался, что после многих тщетных попыток, им наконец-то создана туалетная бумага с повышенным сроком эксплуатации. Я крайне заинтересовался и решил уточнить:

– Это получается, что она многоцветная что ли?

– А что в этом такого уж удивительного? – неожиданно обиделся чудо-изобретатель.

– Да, нет, – я стал оправдываться, – вовсе ничего такого удивительного, очень даже полезная в быту вещь.

Чтобы как-то сгладить создавшуюся неловкость, решил уточнить подробности. Но было уже поздно; я напрочь потерял его доверие, и он отказался делиться со мной информацией, сославшись на то, что ещё не успел запатентовать своё изобретение и боится, что я кому-нибудь проговорюсь, и этим воспользуется ловкий мошенник, коих сейчас развелась целая прорва, и опередит автора. При этом его интерес к разговору совершенно пропал, и, не смотря на все мои усилия, он поспешил ретироваться.

Так что и в деле слушания бывают сбои, и лишь постоянно накапливая опыт общения можно свети их к минимуму.

Ну что ж, признаю, что в этом случае сам виноват, теперь остаётся ждать, когда столь ценный предмет ежедневного обихода появится на прилавках магазинов. Всенепременно приобрету на пробу парочку рулонов. Впрочем, зачем два, и одного хватит за глаза, раз бумага многоцветная. Хотя, как инженер по образованию, даже боюсь предположить, на чём основан принцип действия этой многоцветности.

Следующий собеседник рассказал мне по секрету, что у него появился новый объект вожделений;

– Поздравь, вчера в гостях у друзей познакомился с девушкой. Просто милейшее создание. Как она мне улыбалась через декольте, ты представить себе не можешь. Вся такая воз-

душная, утончённая, и так изысканно одета, не хуже, чем та Шанель номер пять. Я готов был снять перед ней шляпу.

И тут я, опять же ещё по неопытности, возьми да брякни:

– В таких случаях лучше уж снимать не шляпу, а сразу штаны.

Естественно, после таких опрометчивых с моей стороны слов, этот собеседник был для меня навсегда потерян.

Потом была женщина (не частые гости в моих беседах), которую чрезвычайно возмутило изобретение китайских учёных, про которое она прочитала в интернете: якобы они провели успешное испытание пули, цепляющих вражеских солдат за мошонки. – «Почему обязательно за мошонки, разве мало у мужчин других, менее ценных мест», – долго не унималась она, далее перечислив части тела, которые, по её мнению, более пригодные для зацепа.

Эта дама (не подумайте про меня ничего плохого), вообще кладезь всяческих импозантных выражений. Особенно ей удаются фразы касаемые отношению полов.

– Мы, женщины, хотим любви, и ради неё готовы на всё. Но не садиться же на рога мужа, и кричать об этом во весь голос.

Сомнительное, хочу я вам сказать, изречение. Или вот ещё:

– Если мужчина одет неподобающим образом, то на него могут позариться только шалашовки, камышовки, да эти, как их там, – мужеловки.

А буквально неделю назад она похвасталась, что была со своим новым кавалером на премьерном показе в театре.

– Ну, и как впечатление? – поинтересовался я.

– Ой, мне столько мыслей сразу навеяло, и какие-то они все квадратные, ни одной круглой.

Сразу стало понятно, что спектакль ей понравился.

Подобные яркие измышления я фиксирую в специально заведённой для этой цели тетраде, в которой накопилось уже больше двух сотен записей. Я решил, что как только накоплю тысячу такого рода выражений, то оформлю их в виде книги и опубликую, чтобы вы тоже смогли оценить их по достоинству.

Последние пять страниц я отвёл под перечень моих собеседников, куда заносу его имя, обстоятельства и место общения. Также напротив каждого имени имеется таблица из двух столбцов. В первом, я по десятибалльной шкале оцениваю глубину высказывания собеседника, а во второй его искренность.

У меня накопилось достаточно много выражений, которым я поставил пятёрки и шестёрки; есть несколько семёрок и восьмёрок, имеется даже две девятки, но вот досада, десяток пока нет ни одной.

Если бы вы знали, как я мечтаю о десятке! Об этом шедевре словесности; о «Джоконде» устной речи, о царице цариц фраз русского языка.

Я даже представляю свою реакцию на это событие. Я, к тому времени уже наверное почти седой, подойду и пожму руку этому суперчеловеку (если это будет женщина, то руку поцелую), потом обниму, прижму крепко-крепко к себе, а затем, держа за плечи и уткнув плачущее лицо ему в грудь (если это будет женщина, то пока даже не знаю куда уткнусь лицом), произнесу: «Спасибо, о мой ненаглядный кумир, благодаря тебе я наконец-то воистину познал ни с чем несравнимое наслаждение. Теперь можно и спокойно умереть. Мне нечего уже делать в этом мире, ведь всё что я столько лет мечтал услышать ты сейчас произнёс».

Уверен, что это великое для меня событие рано или поздно непременно произойдёт, и я приложу максимум усилий, чтобы это случилось как можно скорее, ведь к счастью, до старости мне ещё ой как далеко.

Кстати, с графой искренности у меня постоянно проблемы. С начала вроде поставишь человеку высокую оценку, а потом начинаешь сомневаться. Особенно тяжело определиться

с женщинами. Я теперь им ставлю за искренность максимум тройку, так как с некоторых пор пришёл к убеждению, что всё что они говорят, сводится исключительно к достижению ими каких-либо своих многочисленных, и часто непонятным нам мужчинам, целей. Особенно слёзы: они считают это самым действенным способом получения желаемого, и готовы расплакаться при любом, в их понимании, подходящем случае.

Если мои рассуждения не соответствуют действительности, и оскорбляют нежную душевную организацию милых дам, то я прошу у них прощения, и умоляю скорее поправить меня, объяснив всю несостоятельность моих умозаключений.

Хорошего слушателя можно сравнить с опытным рыбаком. Как и в рыбной ловле, в разговоре многое зависит от прикормки и наживки. Для одного собеседника это будет вовремя заданный вопрос, для другого – ваше удивление услышанной информацией, третьему – нравится похвала, четвёртому – несогласие по второстепенному вопросу, пятому ..., невозможно всё перечислить, каждый мой собеседник особенный, и прикормки могут быть самые разнообразные, коих у меня в арсенале имеется достаточное количество.

Но и это не гарантирует удачи. Тут надо как вовремя подсечь, так и умело выудить.

Какие прекрасные омонимы есть в русском языке. И в нашем случае можно разглядеть полную идентичность на первый взгляд совершенно разных процессов – вываживать рыбу или информацию. Сомневаюсь, что есть что-то подобное в других словарях.

Как и в рыбалке, где улов может быть совершенно разный, так и в разговоре, какой бы хитрой «наживка» не была, она никак не повлияет на поимку лишь только исключительно ценных экземпляров. Надо смириться с тем, что вам намного чаще будут попадаться условные пескари да огольцы, нежели осетры да стерляди.

Опять же здесь можно сопоставить два процесса. Для поимки крупной и ценной рыбы надо обладать определёнными знаниями и опытом, и приложить намного больше усилий, чем при рыбалке на обычного карася. Так, и чтобы слушателю заполучить достойного собеседника надо много знать и уметь.

Мне везёт на ценные экземпляры, и когда они попадают в мои сети, то я всеми силами стараюсь не упустить их. С одним таким поистине эксклюзивным собеседником мне посчастливилось в прошлом году встретиться на отдыхе.

Чтобы вы тоже оценили всю незаурядность этого человека, я с удовольствием поделюсь обстоятельствами нашего знакомства, и содержанием бесед.

2. Кипрские разговоры

Во время осенних школьных каникул сына, мы почти всегда выезжаем куда-нибудь отдохнуть, и в прошлый раз, причём уже третий год подряд, наш выбор остановился на Кипре. Мы – это я, жена Алиса да наш восьмилетний оболтус – Антошка.

Оболтус, это я так говорю любя. Он, для своего возраста, вполне воспитанный, резвый и достаточно сообразительный мальчишка. Конечно, как и все пацаны иногда хулиганит, ну а как без этого; но я, вспоминая себя в детстве, не вижу здесь ничего такого уж предосудительного, и никогда его за это не наказываю, а лишь провожу назидательные профилактические беседы.

Хотя из-за нехватки времени, его воспитанием в основном занимается жена, а я, к моему огорчению, делаю это лишь эпизодически. Но ничего, вот он ещё немного подрастёт, и тогда я присоединюсь к процессу формирования его личности по полной программе. А то знаете, в основном женское воспитание для будущего мужчины – это как-то не очень правильно; вернее, совсем неправильно.

Вы спросите, почему мы выбрали для отдыха именно Кипр? А что – нам здесь очень даже нравится. В это время на острове не так жарко, море ещё вполне ласковое – градусов двадцать пять, бирюзового цвета вода прозрачна до самого дна, а на песчаном Айя-Напском пляже можно запросто найти свободное место, во всяком случае если не у самой воды, то в метрах двадцати пяти наверняка, да и по деньгам дешевле чем в летний, высокий сезон. А если ещё и «он клюзив», как в нашем случае, то вообще нет ни малейших проблем, и не надо трижды в день париться, и в охоте за пищей выхаживать по жаре, выискивая кафешки, где можно подешевле, но вкусно поесть. При этом, вполне обоснованно тревожась, что существует вероятность нарваться на некачественную пищу, и тем безвозвратно испортить столь долгожданный отдых. Санузлы в отеле вполне себе приличные, но не затем же мы приехали, чтобы всё время провести там.

Как хорошо, что мы благо разумно избавили себя от сей участи, и нам ничто не может помешать наслаждаться нежащим теплом, чистым воздухом, прекрасным морем и роскошными пальмами. В общем, сплошная благодать и полное умиротворение.

В нашем пятизвёздочном отеле имеется громадный обеденный зал с шикарным «шведским столом» и целых пять баров, где при желании можно до отвала наесться в любое время суток, причём теми блюдами, которые дома позволяешь себе готовить только к праздничному столу.

Естественно, стоимость питания и любых напитков, включая алкогольные, входит в стоимость путёвки.

И вот на второй день нашего пребывания в этом райском уголке, я познакомился с чрезвычайно колоритным персонажем, в итоге оказавшимся почти идеальным для меня собеседником.

Пересеклись мы с ним, когда разнимали своих отпрысков, сцепившихся в бассейне из-за мячика. Мальчишки, как это часто бывает, вскорости подружились, их матери тоже быстро нашли общий язык, делясь заботами о детях и обсуждая мужей, то есть нас с Вадиком. Именно так, держа в руках мячик, предмете раздора наших ровесников сыновей, он представился при первой нашей встрече.

Оказалось, что они тоже из Москвы, и мало того, чуть позже выяснилось, что наши дома находятся у соседних станций метро.

Не хочу хвастаться своей интуицией, но я сразу понял, что в коллекции моих собеседников скоро появится настоящая звезда. Один его внешний вид располагал к такому выводу.

Хотя росточка он был немного ниже среднего, но выглядел ладно. Длинные, тёмно-русые, зачёсанные назад волосы были на затылке, резинкой собраны в тугую, доходящий до середины лопаток хвост. Его выпуклый лоб словно нависал над зелёно-карими, с пушистыми ресницами глазами, излучающими почти детскую безмятежность. Нос был с широкими ноздрями и лёгкой горбинкой по середине.

Но главное, подбородок. На нём имелась достаточно глубокая, притягивающая взгляд ямочка. Общеизвестно, что мужчины, обладающие такой нечастой анатомической особенностью, буквально приводят многих женщин в трепет. К тому же, я где-то читал, что обладатели такой ямочки характеризуются как сильные и неординарные личности.

Свободная, лимонного цвета майка, с надписью на груди – «King», позволяла разглядеть достаточно рельефное и несколько излишне волосатое тело. Это касалось и ног, во всяком случае на участках не закрытых весёлыми, в цветочек шортами.

На фоне моей, почти ещё совершенно белой кожи, Вадик выделялся ровным, с оливковым оттенком, загаром.

На следующий день, отдохнув полчаса в номере после ужина, мы с женой и сыном выдвинулись в сторону местной эстрады, где через несколько минут должна была начаться ежедневная развлекательная программа.

Заняв место не в общих рядах, а за столиком, стали ждать, когда к нам подойдёт официант из местного бара. Мы с женой обычно заказываем себе по пино каладе, а сыну апельсиновый или грейпфрутовый сок.

Анимация, скажу я вам, здесь очень даже достойная, да что там – просто выше всяких похвал. Первая часть, длящаяся ровно сорок минут, – детская. Нарядно одетые девочки и мальчики, на радость своим расслабляющимся и вззирающим на них со стороны, родителям, активно участвуют в представлении, танцуют и задорно прыгая параллельно с артистами, судя по их молодости, студентами какого-то греческого театрального института, подрабатывающих летом на курорте.

Вторая часть программы рассчитана уже на взрослых гостей отеля. Длится она целый час, и тоже достаточно хороша, в чём я ещё раз убедился в первый же день нашего здесь пребывания.

Но, получилось так, что сегодня мне было не суждено её посмотреть.

– Слышь, я со всеми договорился, – сообщил мне подошедший после окончания детской части программы, Вадик, – в том числе и с твоей половиной. Алиса, я правильно говорю? – с хитрым прищуром, обратился он к моей жене. – Пусть наши жёны с детьми смотрят и развлекаются, а мы не будем им мешать, а спокойно побеседуем в баре, надеюсь, нам найдётся что обсудить, – безапелляционно произнёс Вадим, по-дружески, слегка ударив меня кулаком в плечо, а затем утягивая за рукав ветровки. В самом конце октября, вечерами здесь уже достаточно прохладно, и приходится утепляться.

Я вопросительно посмотрел на Алису, которая в ответ на мой взгляд улыбаясь, развела руками. Этот жест у неё означал, что я могу делать так, как посчитаю нужным, но в принципе она не возражает.

– Вадим, смотри там поаккуратнее, – услышал я строгий женский голос, раздавшийся с соседнего ряда стульев. Это супруга Вадика напутствовала своего мужа.

– Валюша, ты же меня знаешь. По кружечке пивка и всё, полный ажур, – успокоил он её.

– Подожди, сегодня же нам обещали выступление подражателя Майкла Джексона, интересно же посмотреть, как он справится с «лунной походкой», – заколебался я.

– Слышь, какой ещё Майкл Джексон? Нет смысла смотреть на какого-то подражателя. Если оригинал уже мёртв, то нечего заниматься ерундой.

Я снова посмотрел на жену.

– Боря, поступай как считаешь правильно, – подтвердила мои предположения Алиса, – мы с Валею и мальчиками, так и быть, попробуем сегодня обойтись без вас.

Я не стал более возражать, предположив, что это время проведу совсем не зря.

Вадик привёл меня в один из имеющихся в отеле баров, тот, который уютно расположился под тентовым навесом, непосредственно возле большого бассейна, занимающего значительную часть прилегающей к корпусам территории.

Взяв сразу по два четырёхсот граммовых пластиковых стаканов пива, мы уселись за самый крайний у воды железный столик. Тёмное, без единого облачка небо с немногочисленными, но яркими звёздами, далёкий стрекот цикад, отражённый свет от декоративных светильников, вмурованных в стенки бассейна, и журчание расположенного рядом искусственного водопада, делало обстановку чрезвычайно располагающей к душевной беседе. Единственное, что меня несколько смущало – это Луна. Почему-то показалось, будто она собралась подслушивать за нами, и поэтому я решил сесть так, чтобы её полный диск остался за спиной.

Чокнувшись за вчерашнее знакомство, Вадик залпом осушил первый стакан, после чего, обтерев с губ пену, с удовлетворением произнёс:

– Зэр гут. Пить очень хочется, от этого дневного пекла аж во рту всё пересыхает.

Чтобы не ударить лицом в грязь перед малознакомым, но уже столь расположившему к себе человеку, пришлось мне тоже поднапрячься и выпить стакан до дна.

Тут же сделав большой глоток из второго, и снова вытерев пену, Вадик, ткнув меня в плечо, задорно констатировал:

– Слышь, а пиво здесь ничего так.

– Да, вполне приличное, – согласился я.

– Но в Чехии пробовали и получше, а уж с баварским, что на Октоберфесте, и рядом не стоит, – со знанием дела, уточнил Вадик.

– Но ты тоже сравнил шахматы с перетягиванием каната, – вновь согласился я, хотя ни в Чехии, ни на празднике Октоберфест не бывал, да и к пиву отношусь достаточно прохладно: есть оно, то можно и выпить, а нету – и не вспомню.

По реакции Вадика я понял, что случайно, сходу попал в самую точку. После моей фразы, он, снисходительно посмотрев на меня, медленно поставил стакан на стол, и скрестил на груди руки.

– Я и раньше их не уважал – эти шахматы, но, с тех пор как Каспаров бездарно проиграл какой-то безмозглой железяке-компьютеру, шахматы для меня вообще перестали существовать. Ведь это оказалось просто-напросто тупым перебиранием всевозможных комбинаций.

– Ну подожди, – возразил я, – а как же логическое мышление, интуиция?

– Чепуху говоришь! Какое такое мышление, какая интуиция у компьютера? Чистейшей воды математика, примитивное перебирание вариантов, вот и всё. Кто лучше и быстрее считает – тот и выиграл, ничего больше.

Хотя у меня было совсем другое мнение, но я не стал возражать.

– Может ты и прав, – решил я согласиться, почувствовав, что Вадим не очень-то любит, когда с ним спорят. Да и то хорошо, не хватало мне ещё здесь нарваться на тупика.

– Конечно прав, тут и говорить-то не о чем. Ладно, с этим разобрались, а о перетягивании каната, я, Боречка, вот тебе что, дорогой, скажу: это дело будет ой куда как сложнее, чем какие-то там шахматы.

– Это, почему же так? – искренне удивился я.

– А вот так. Смотри, в шахматы ты если даже и играешь, то от случая к случаю. Так, от безделья, когда совсем уж нечем заняться. А перетягиванием мы занимаемся, не прерываясь всю жизнь, причём начиная с самого рождения. И здесь, ой как думать головой приходится, а не тупо просчитывать комбинации, вот тут тебе и логика, и интуиция и всё тому подобное.

– Что ты хочешь этим сказать, расшифруй? – предчувствуя неординарную информацию, с замиранием сердца, произнёс я.

Вадик сунул мне в руку стакан, и сам одним глотком допил пиво. Я послушно последовал его примеру.

– Пойду возьму ещё, – произнёс Вадик, отодвигая стул и вставая.

Скрежет металла по керамической плитке резанул слух, но это нисколько не отвлекло меня от волнующего ожидания.

Через две минуты, принеся на подносе ещё четыре стакана, он, без моего напоминания, продолжил.

– Слышь, ну, так вот про канат. Скажи, чем ты занимаешься дома, после работы?

– Как понять, чем занимаюсь?

– А, не понимаешь, тогда придётся тебе подсказать. Дома, всё то время, когда не спишь, ты пытаешься тянуть канат в одну, а жена в другую сторону, в надежде подмять под себя, и получить как можно больше предпочтений, отодвинув тебя на второй план. Ты, конечно, сопротивляешься, и хочешь сделать тоже самое с ней. Я, естественно, образно выражаюсь, но сути дела это не меняет. И вот вы елозите туда-сюда, то ты отобьёшь у неё возможность посидеть в кафе с друзьями, то она вытребует вашу поездку на неделю к её родителям в Белгород.

– Интересно как рассуждаешь.

– А то... На работе тоже самое, – воодушевился мой собеседник. – Вот, ты где работаешь?

– В компании, занимающейся продажей товаров для активного отдыха.

Вадик посмотрел на меня несколько пренебрежительно.

– Понятно, продаёте значит всякую дребедень бездельникам.

– Почему же бездельникам, – возразил я, – между прочим, среди наших клиентов есть и актёры, и известные певцы, политики.

– А я и говорю бездельникам, – отрезал мой собеседник, – а должность у тебя там какая?

– Я менеджер в отделе рекламы.

– Зэр гут. И что, много работы?

– Да, уж, без дела сидеть не приходится. В коммерческих организациях за просто так денег никому не платят.

– Это точно, – посочувствовал мне Вадим, – про рекламу ничего пока сказать не могу, не специалист. А я вот дежурный электрик, работаю два через два, и каждую смену инженер пытается аж вырвать у меня из рук этот самый канат, да вот хренушки у него это когда получится, – Вадик, для наглядности скрутил дулю, и, вращая, смачно её мне продемонстрировал.

Не дав ему развить мысль дальше, я зачем-то решил вставить фразу-вопрос:

– Значит, ты синий воротничок?

Эх, и дёрнуло же меня такое сказать. После этих слов Вадик напрягся, гневно стрельнул глазами, и поставив стакан на стол, оттолкнул его от себя. Пена и часть жидкости выплеснулась и растеклась по металлической столешнице.

– Слышь, я не понял. Что, если электрик, то сразу значит синий. Я между прочим пью только исключительно по выходным и на отдыхе, – насупился он, явно ожидая объяснений.

– Ты меня не так понял, – поспешил я оправдываться, – На Западе и в Америке так называют людей, рабочих специальностей. А вот офисные работники, вроде меня, это у них белые воротнички или офисный планктон.

Вадик взял паузу, явно обдумывая мои слова. Тем временем вытащил из диспенсера несколько салфеток и промокнул ими разлитое пиво.

– Второе название мне нравится больше, – очевидно приняв мои объяснения, он, посмотрев на часы, залпом опустошил оставшуюся порцию пива.

– Значит, говоришь, ты у нас планктон?

Видно, обида не до конца его отпустила, и он решил хоть чуть-чуть меня уязвить неприглядным, в его понимании, названием. Потом, явно что-то вспомнив, на несколько секунд замер, и вновь посмотрел на циферблат.

– А какой у тебя на работе может быть канат? Ведь есть определённый, предписанный инструкциями, круг обязанностей, который каждый нанятый работник должен исполнять, – решил я простимулировать ход мыслей собеседника.

– Слышь, тривиально рассуждаешь, здесь всё не так просто. Говорит мне, допустим, инженер заменить перегоревшую лампочку, то есть, этим самым тянет канат к себе, – Вадик обеими руками сжал в воздухе воображаемый канат, и несколько раз вроде как подёрнул его. – Но меня так просто не возьмёшь! Я ему и отвечаю, что напарник мол заболел, а работать со стремянки одному запрещают правила техники безопасности. Вот уже и я канат потянул в свою сторону.

– И, что же в этом случае делать? Патовая какая-то ситуация получается.

– Что делать, что делать. Я, естественно, лампочку заменю, не нужен мне в этом деле никакой напарник, только мешаться будет, а свои обязанности я, между прочим, очень даже хорошо знаю.

– Так может следовало сразу пойти и это сделать, а не ..., – я чуть замешкался, так как на языке вертелось слово кочевряжиться, но подумалось, что Вадик может обидеться, и поэтому произнёс, – возражать?

– Знал, что ты так скажешь. Запомни раз и навсегда – так делать нельзя ни в коем случае, – видно, чтобы я это лучше усвоил, он поводит указательным пальцем перед моим лицом. – Потом пожалеешь, но будет уже поздно, – Тогда получится, что тебя перетянули, а раз так, то завтра скажут пробить засор в унитазе, или пошлют чистить снег на территории. А мне это надо?.. Так что, как-то вот так и живём... Ты думаешь, почему наши с тобой пацаны вчера вцепились в этот мячик? А всё потому, что они уже с детства тренируются в перетягивании каната, во всех нас это заложено на генетическом уровне. Так-то, вот!

– И как ты собираешься победить в этом перетягивании того же инженера или свою жену? – поинтересовался я.

– А я разве говорил, что собираюсь победить? Мне это вовсе не нужно. Для меня главное соблюсти равновесие, чтобы канат находился посередине. Тут ведь есть одна тонкость, и особо усердствовать опасно: канат хоть и прочный, но порваться может на раз два.

– И что это будет означать?

– Здесь всё очень просто: на работе – тебя уволят, а в семье развод.

Говоря всё это, Вадик непрестанно елозил по стулу, его явно что-то беспокоило, и не то, что можно подумать в данной ситуации.

– Слышь, давай сделаем так: ты сейчас возьмёшь нам ещё по паре пива, а я по коктейлю, – а то как-то неприлично, если я закажу это всё один, бармен и так на меня уже зло косится своими зенками.

– А может нам на сегодня уже хватит? – неуверенно возразил я.

Широко улыбаясь, Вадим, привстав, похлопал меня по плечу:

– Всё включено приятель, и, как говорит Валюха, этим необходимо активно пользоваться по полной программе, надо отбивать свои денежки по максимуму. – У тебя, кстати, как с английским?

– Да, так – на четвёрочку, ну может с небольшим плюсом.

– А я в школе изучал немецкий, и по-английски знаю только «вери гут» и «ес тудэй». Зато жена у меня на нём шпарит – только в путь. Как хорошо было в Пафосе, к кому из местных не обратись – все по-нашему отлично балакают. А в этой Ай-Анапе набрали не пойми кого, порядочных людей обслужить толком не могут. Пошли они куда подальше, буду я ещё под них подстраиваться, обойдусь и так, – произнёс Вадик, и мы направились к стойке.

Пока бармен, аккуратно, по краю стакана, чтобы не образовывалось много пены, наливал нам пиво, Вадик, тенью стоял у меня за спиной, и только увидев на подносе четыре полных стакана, вышел на авансцену. Он показал бармену оттопыренные средний и указательный палец правой руки:

– Два джин-кола, – произнёс он, посмотрев на молоденького паренька, дабы убедиться, что тот его понял.

– Окау, — произнёс тот, потянувшись за бутылкой.

Глаза Вадика забегали, и в них промелькнул огонёк.

– Только колы – klein, – попросил Вадик, для уверенности выразительно показав почти соприкасающиеся большой и указательный пальцы. – А джина – groß, – он максимально широко развёл пальцы.

– Окау, – спокойно подтвердил бармен, явно привыкший к таким просьбам.

– И это ещё: eis не нужно, – Вадик скрестил запястья, – kein eis, горло болит, – попросил он, тыкая себя ладонью в кадык.

Когда мы сели на место, Вадик, вновь посмотрев на часы, произнёс:

– Слышь, у нас осталось не так много времени. Давай махнём залпом виски за нашу с тобой дружбу.

– Времени у нас ещё вагон, мы ведь, ка и вы, тоже приехали на целых шесть дней.

– Да, я не о том, – отмахнулся он.

Я, естественно, был согласен на дружбу, но всё-таки возразил, что мол больше пить не могу, в меня уже не лезет, да и захмелел уже достаточно.

В несколько затуманившимся взгляде Вадика пробежала усмешка.

– Если мужик, тогда выпьешь.

Делать было нечего, и я – глоток за глотком, с трудом осилил двухсотграммовый стакан почти чистого джина, но запивать пивом, как это сделал мой собеседник не стал.

Выдохнув воздух и сплюснув ненавистный пластиковый стаканчик, я, всё ещё морщась от достаточно противного мне вкуса крепкого напитка, посмотрел на Вадима.

– Вот теперь, полный зер гут, можно с чистой совестью сказать, что время провели не зря, – поглаживая грудь и живот, довольно произнёс он.

Неожиданно мой собеседник вжал голову в плечи и начал медленно сползать со стула, при этом исподлобья, со страхом смотря куда-то в даль. Я понял, что за моей спиной происходит что-то ужасное, но повернуться не решался.

Вадик, сползал всё ниже и ниже, и когда над столом осталась возвышаться лишь его макушка, перед нами предстала его жена; высокая, с крашенными почти в белый цвет, длинными волосами, достаточно упитанная женщина, про которых, чтобы не обидеть, говорят – в теле. Оранжевый, с жёлтыми вставками спортивный костюм плотно облегал фигуру, выпячивая грудь, явно не меньше пятого размера.

Жена уцепила Вадика за шиворот ветровки, и легко выудила мужа уже почти из-под стола.

– Нажрался, скотина! Так я и знала. А ну, поднялся дармоед и марш в номер. Опять небось втирал человеку про какие-то дурацкие шары, надоел уже с ними всем. Снова хочешь выставить себя на смех.

При этом в мою сторону она даже не посмотрела. Бросив на меня выразительный взгляд, Вадик, слегка пошатываясь, шлёпая по полу босоножками, послушно побрёл в сторону наших, двухэтажных корпусов. Жена, периодически зло подталкивая в спину, придавала ему ускорение, при этом подгибающиеся ноги Вадика несколько раз заплетались, и он едва не падал.

Переходя по мостику бассейн, он грустно оглянулся, и посмотрел то ли на меня, то ли на оставшийся недопитым стакан пива.

Мне стало искренне жаль моего нового знакомого. Но что я мог сделать, чтобы ему помочь? Да, и не нуждался он в моей помощи. «Интересно, какие это Валентина упомянула шары? Что-то ни о чём подобном он мне не рассказывал», – начала терзать меня мысль, пока я, тоже кстати не совсем твёрдой походкой, вышагивал к своему номеру.

На следующий день я увидел Вадика во время обеда. Мы сидели через два стола друг от друга, но он даже никак не отреагировал, когда я в знак приветствия помахал ему рукой.

Его жена, тоже сделала вид, что нас не замечает, хотя может так оно и было.

Когда я пошёл набрать жене и сыну фруктов, возле подноса с виноградом кто-то ткнул меня в плечо. Я обернулся, и увидел перед собой хмурого, с грустными и покрасневшими глазами, Вадика.

– Ну, что я тебе говорил про канат. Видишь, работает. Здорово она меня вчера перетянула. Но ничего, теперь моя очередь будет.

Окинув взглядом небольшого роста Вадика, я представил рядом его дородную жену, которая выше на пол головы, и явно шире в плечах, и мне представилось, что их перетягивание каната сводится к тому, что Вадим, уцепившись за него, с оторвавшимися от земли ногами, вращается подобно спортивному молоту в могучих руках метательницы.

– Может, сегодня вечером продолжим, посидим немного в баре? – спросил я, уж больно меня заинтриговала брошенной его женой фраза про шары.

– Нет, сегодня ничего не получится. Два дня подряд – это перебор, Валюха не поймёт. К тому же, волокут меня вечером на экскурсию. Будем, блин, любоваться шоу танцующих фонтанов, – упавшим голосом, вздохнув произнёс он, и, положив в тарелку три большие грозди винограда отправился с ними в обеденный зал.

Это был последний виноград. Я, с некоторой обидой, увидел на пустом подносе лишь две одинокие ягодки. Просить, или ждать, когда принесут ещё, не хотелось. Пришлось ограничиться киви и местными мандаринами. Кстати, рекомендую; хотя они в это время года там ещё совсем зелёные, но при этом очень даже сочные и достаточно сладкие.

3. Теория хлопущки

Если хотите стать хорошим слушателем, то как и в любом другом деле, где планируете стать настоящим профессионалом, надо постоянно тренироваться, совершенствуя и оттачивая своё мастерство. Для этих целей я использую ряд незамысловатых упражнений, об одном из которых сейчас расскажу.

Оно на первый взгляд может показаться сложным, но, поверьте, при проявлении настойчивости, вполне выполнимое.

Упражнение такое:

Поставьте себе цель, узнать у вашего визави что-то конкретное, конечно если убеждены, что он точно располагает данной информацией, и не отступая ни перед чем непременно добейтесь, чтобы он как можно подробнее, рассказал всё, о чём вы запланировали узнать.

Для достижения этой цели есть несколько вариантов ведения беседы.

Первый и достаточно примитивный – «в лоб» попросить рассказать то, что вас интересует. Несмотря на свою простоту, это метод достаточно действенный, и срабатывает в большинстве случаев. Из-за своей элементарности он не представляет для меня интереса, и я крайне редко его использую.

К тому же, есть достаточно много людей, которые услышав прямой вопрос насторожатся и ни за что не станут откровенничать. Кто-то увидит в этом подвох, второй испугается насмешки, кто-то сочтёт вас излишне наглым, а может что-то другое станет преградой, мешающей поделиться с вами информацией. А повторной попытки может уже и не случиться.

В этом случае надо действовать по-другому. Здесь вполне уместна аналогия с археологическими раскопками, где, чтобы не повредив выкопать древний артефакт, надо медленно и аккуратно, слой за слоем скрупулёзно снимать возле него землю. Если же вы со всей силой начнёте орудовать лопатой, то ценную находку можно безвозвратно разрушить.

Поэтому, пока вы не преуспели в быстром определении категории человека, я рекомендую не задавать прямых вопросов для получения нужных вам сведений.

Продвигайтесь к этой цели последовательно, всячески стараясь расположить к себе собеседника. Удаляйтесь, а затем снова подходите достаточно близко к интересующему вас предмету. Почувствовав, что собеседник пока не готов поделиться тем, что вас интересует, снова уходите в сторону, временно переводя разговор на что-то другое. Возможно, так придётся делать не один, ни два, а много раз.

Наградой станет то, что при очередном осторожном подходе к нужной теме, оппонент выложит всё, чем вы заинтересовались.

Даже если этого и не произойдёт, то он уже будет достаточно лояльно к вам расположен, и вполне готов к ответу уже на прямой вопрос.

Как пример, я приведу ещё один разговор с моим новым, кипрским знакомым.

***

На следующий день, Вадик, увидев меня на пляже, где я, расслабившись от окутавшего тепла, в полудрёме возлежал на шезлонге, подошёл, игриво поздоровался с женой, и потрепав нашего сына по волосам, обращаясь ко мне произнёс:

– Ну что, поболтаем сегодня в баре о том о сём, поделимся полученными впечатлениями? – спросил он, и, посчитав со мной вопрос решённым, далее уже обратился к Алисе:

– Надеюсь, вы не возражаете, мадам?

– Да, посидите, конечно, только не надо как в прошлый раз, уж больно Борис пришёл излишне выпивший.

– Ну, что вы такое говорите, мадам! Как можно. Тогда случилось лёгкое недоразумение. Конфуз на сеновале, как выражается мой шурин. Сегодня возьмём по маленькой кружечке пивка и *alles ist in ornung*, ни капли больше. Всё будет исключительно в рамках приличия. Двум интеллигентным мужчинам есть о чём поговорить и без спиртного, – успокоил её Вадик.

Как только началась детская анимация, я поспешил в бар, где на том же месте, что и в прошлый раз, уже восседал мой новый знакомый.

– Ты где ходишь?! – поприветствовал Вадик вопросом и лёгким ударом в плечо, которое ещё побаливало с нашей позавчерашней встречи. – Давай быстрее начинать; мне сегодня надо быть как штык на взрослой анимации.

– Да, но у нас тогда осталось всего полчаса.

– Но я же не говорил, что должен появиться к самому началу, подтянусь ближе к середине.

– Ты считаешь, этого будет достаточно, чтобы Валентина не ругалась? – решил я уточнить.

– Выше крыши, – Вадик выразительно провёл ладонью над головой.

На столе стояли четыре стакана: три с пивом и один уже пустой.

Вадик предложил «не тянуть кота за рога», а выпить всё залпом и сходить за новой порцией, что мы и сделали.

– Может сразу возьмём по коктейлю? – в шутку, предложил я.

– Как говорят классики: не тереби того, что кончило.

«Сильно сказано», – отметил я про себя.

– К сожалению, сегодня придётся обойтись без него, – вздохнул Вадим.

«Видно канат упёрся, и никак не хочет перетягиваться» – вновь, подумалось мне.

– Что-то такого выражения раньше не слышал, – произнёс я, пытаюсь вспомнить какому-то классику могут принадлежать эти слова.

– Пообщаешься со мной, не то ещё узнаешь, – гордо пообещал он, но не назвал автора фразы.

Вадик сегодня был какой-то смурной, и пришлось взять инициативу в свои руки.

– Как вчера съездили на экскурсию, понравилось?

– Да всё зер гут, но в Дубае шоу фонтанов намного красочнее, – махнув рукой, равнодушно ответил он, и отпил большой глоток.

– А в целом, как вам отдыхается? Согласись, что здесь очень красиво.

– Видали и покрасивши. Если бы не пальмы, хотя и те завозные, не было бы никакой экзотики. Вот в Таиланде, Бали или той же Доминикане она на каждом шагу. Да и море там как парное молоко, а здесь, чтобы в воду войти, собираешь всю волю в кулак, – Вадик продемонстрировал мне размер своего кулака.

– Ну, подожди, а как же здешние горы?

– Слышь, и что в них такого особенного? Были мы там на экскурсии в прошлом году. С Альпами или тем же Кавказом и сравнивать нечего.

В отличии от жены и сына, считающих Кипр идеальным местом, я, в принципе, разделяю мнение Вадика, хотя мне всё равно здесь нравится.

– Смотрю, ты успел уже много где побывать.

– Это да. За те девять с половиной лет что я женат, куда нас только не заносило. Благо бабушки да дедушки наши живы-здоровы, и есть на кого оставить Пашку. На всех континентах побывали, кроме Антарктиды, но и туда собираемся в следующем году смотаться. Валюха отыскала какой-то эксклюзивный теплоходный тур, так что будет возможность пошугать тамошних пингинов.

– Но, всё же в тёплых краях отдыхать как-то приятнее, согласись, – произнёс я.

– Без разницы, – с равнодушием всё видевшего знатока, отреагировал Вадик. – Между холодом и жарой, отличие лишь в том, что всё совершенно по-другому.

Я чуть задумался над этой фразой, но в виду явной глубокомысленности, оставил дальнейший её анализ на потом. А пока решил чуть польстить своему собеседнику.

– Молодцы! Так и надо жить. Если бы не ограниченные финансы, мы тоже с удовольствием поколесили бы по миру.

Когда разговор ненароком заходит о доходах, то мало кто развивает эту тему, а наоборот, стремятся уйти в сторону от щекотливого вопроса. Но Вадик был не из таких.

– Я то, что. Простые электрики, вроде меня, зарабатывают мало, сильно не разбежишься. Это всё Валюшка. Она у меня главный бухгалтер в одной богатенькой конторе. Причём специалист, я тебе скажу, высочайшей квалификации, её на работе только что на руках не носят, лишь бы она никуда от них не ушла, – подняв вверх указательный палец, гордо сообщил он.

Мне живо представилась картина, как несколько изнеженных бумажной работой офисных сотрудников в белых рубашках и модных галстуках, с подогнувшимися в коленях ногами, обливаясь потом, натужно несут из столовой в кабинет бухгалтерии его супругу, весящую уж никак не меньше центнера.

– Может тебе тоже попробовать найти более высокооплачиваемую работу?

– А зачем? Меня всё устраивает, – вставая, отмахнулся от моего предложения Вадик, – Пойду, принесу ещё по паре стаканчиков.

Разговор под пиво шёл своим чередом, и я пока не знал, как подвести его к столь заинтриговавшим меня, таинственным шарам. Время стремительно шло, а уверенности в нашей следующей встрече за этим столиком не было никакой. Уж больно серьёзный оппонент находился у Вадика на другой стороне его каната.

Мне ещё при первой встрече стало понятно, что Вадик относится к тем людям, которым прямой вопрос ни в коем разе задавать нельзя, а необходимо сделать так, чтобы он сам решил всё рассказать. Как я уже говорил, в противном случае, собеседник может закрыться, и того, что хотел, ты от него никогда не добьёшься. Но сейчас я был уже почти в отчаянье, и готовился вот-вот пойти во-банк, но всё же решил не торопиться и попробовать как-то спровоцировать своего визави.

– Может завтра с утра, по холодку поиграем в пинг-понг, постучим, так сказать, шариком по столу, – предложил я, сделав некоторый акцент на слове шарик.

– Не-е, я в это не играю, – отмёл этот вариант Вадим, делая мощный глоток.

– Тогда давай погоняем шары в бильярд, – предложил я альтернативу.

– Ну, это ещё можно, – без большого энтузиазма, согласился он.

Тут я заметил, что его уже слегка затуманенные глаза резко оживились и заблестели, словно их натёрли полировальной пастой.

Это был явный признак того, что ещё чуть-чуть, и я добьюсь нужного мне результата. Осталось лишь слегка подтолкнуть, чтобы искомый мною шар скатился в лузу, а мой собеседник открылся во всей красе. Эх! Знать бы хоть что-то про эти неведомые шары, хотя бы самую малость.

Но я ничегошеньки не знал, не идти же в самом деле к его жене и спрашивать, что она имела в виду, когда выговаривала за них Вадика. И поэтому предпочёл промолчать, надеясь, что набухший бутон сам через какое-то время раскроется и поразит ни с чем несравнимым великолепием. В итоге так всё и произошло.

Через полминуты тишины, за которые Вадик, явно о чём-то думая, успел допить стакан, он вдруг, смотря мимо меня куда-то вдаль, спокойным, искусственно равнодушным голосом произнёс:

– Знаешь, а я категорически не согласен с теорией Большого взрыва.

В начале я даже не понял, о чём это он.

– С чем ты не согласен? – переспросил я, не будучи уверенным, что не ослышался.

– А с тем не согласен, что Вселенная образовалась в результате взрыва какой-то там неведомой никому точки с бесконечной плотностью и температурой! – фразу он начал обычным голосом, а закончил чуть-ли не криком. Хорошо ещё, что не ударил кулаком по столу.

Я замер и упёршись в него непонимающим взглядом, молчал.

– Слышь, ты можешь представить себе такую точку? – смотря мне в глаза, и ткнув в плечо, возбуждённым голосом спросил он, при этом ещё ногой под столом заехав мне по голени.

– Честно говоря, я по этой теме многое чего не могу себе представить.

– То-то и оно. Никто ничего не может представить, а всё лезут туда же.

Кто, куда и зачем лезет я даже не стал спрашивать.

– Так знай, что не было никакой точки, а был огромный цилиндр, – уже полушёпотом, заговорчески произнёс Вадик. Понимаешь, о чём я говорю?

Я на несколько секунд закрыл глаза, и ощутил, как учащённо, словно в такт стремительному метроному, стало биться сердце.

– По правде говоря, пока вообще ничего не понимаю, – признался я, в нарушении моих правил общения с собеседниками, которые никоим образом не предполагали подобного откровенного ответа.

Можно уточнять детали, не соглашаться с трактовкой каких-то несущественные моменты, в конце концов предложить свою версию, но сказать, что ничего не понимаю – так было делать категорически нельзя.

Благо, Вадик настолько был увлечён своими мыслями, что не обратил внимания на столь непростительную в других случаях оплошность.

– Не удивительно, что не понимаешь. Никто, кроме меня не понимает.

Я уже почти полностью пришёл в себя.

– Но теория Большого взрыва сейчас доминирующая, и чуть ли не единственная общепринятая.

– Слышь, не верь никому, чепуха это всё и чистой воды надувательство. Ты знаешь, что такое новогодняя хлопушка? – задал он неожиданный вопрос.

– Более-менее представляю.

– Зер гут. Когда ты дёргаешь за нитку, хлопушка взрывается и из неё вылетает конфетти. Правильно? – Вадик, для наглядности, движением рук продемонстрировал как это происходит.

– Ну, да, – ответил я, совершенно не понимая куда он клонит.

– Так вот, слушай и запоминай что я тебе скажу – Вселенная произошла от разрыва громадного цилиндра, доверху набитого различного размера шарами!

Теперь уже я медленно стал сползать со стула.

– Минимум семёрка! – восторженно произнёс я, уже представляя, как записываю это изречение в тетрадь, но тут же осёкся.

– Какая семёрка? – сдвинув брови, спросил Вадик.

– Да, нет, это я о своём.

Ему так не терпелось рассказывать дальше, что он не обратил внимания на мой очередной ляп.

– Представь, в один прекрасный момент шары начали дружно увеличиваться в размерах, их давление на стенки цилиндра всё возрастало и возрастало, и настало время, когда его от напряжения просто разорвало на мелкие кусочки, и шары, словно конфетти из той самой хлопушки, разлетелись в разные стороны. Вот так и появились звёзды и планеты. А всякие там астероиды и тому подобная мелочёвка – это куски оболочки цилиндра.

– А кометы?

– Что кометы?

– Они откуда взялись?

– Да всё оттуда же, из цилиндра, – недовольно ответил Вадик, явно посчитавший мой вопрос глупым.

– Здорово, – еле выговорил я, ощупывая вспотевший лоб. – А почему шары начали увеличиваться в размере?

Вадик, задумавшись, очень серьёзно на меня посмотрел.

– А почему точка в этой липовой теории вдруг взорвалась? Не знаешь? И вот я не знаю почему шары стали увеличиваться. Теория пока окончательно не сложилась у меня в голове, есть ещё кое-какие шероховатости.

– Будишь коктейль? – спросил я, вытирая бумажной салфеткой лицо.

– Буду, – коротко согласился он.

Я направился к стойке бара. На бытовом уровне, я английский язык знаю очень даже прилично, и при необходимости достаточно свободно на нём изъясняюсь. Но в этот раз, обращаясь к бармену почему-то произнёс:

– Мне zwei джин—кола. Только колы – klein, а джина – groß, показал я пальцами. И этого, как его там – айса, не надо.

Как только я поставил стаканы на стол, мы тут же их осушили с такой жадностью, как бы это сделали заблудившиеся в пустыне путники, внезапно очутившиеся в оазисе с источником воды.

– Тебе надо как-то заявить об этом открытии. В журнал какой-нибудь научный написать что ли, – морщась от выпитого, предложил я.

– Да, писал я уже, и в журналы, и в газеты, даже в Академию наук письмо отправлял.

– И, что?

– Да, ничего. Ото всюду молчок, как воды все в рот набрали. Никому в наше время правда не нужна, – махнул рукой Вадим, – Вот, такая вот верблюжья нора получается.

– Может не верблюжья, а кроличья? – решил я уточнить, но ответа не последовало, так как мой собеседник вдруг быстро накинул на голову капюшон ветровки, и скукожившись вжался в стул. Хотя я не видел проход, но уже отлично знал, что сейчас происходит за моей спиной. Оборачиваться, опять никакого желания не было.

– А вот ты где гадёныш сидишь, – буквально прошипела подошедшая жена Вадика. – Ты же обещал, сволочь, что выпьешь кружечку пива и сразу к нам. Уже вся анимация закончилась, а он и не шевелится, – гневно продолжила женщина, отвесив моему собеседнику увесистый подзатыльник, – а ну марш, чтобы духа твоего здесь больше не было. Я столько деньжищ угрохала, чтобы нам на море хорошо отдохнуть, а этот мерзавец здесь пьянствовать решил, лучше бы фруктов больше жрал.

Вадик, не снимая капюшона, засунув руки в карманы шорт, словно зомби встал, и получив ускорение кулаком в спину направился в сторону корпусов.

Через несколько метров Валентина остановилась, и развернувшись подошла ко мне.

– А вас, гражданин, я попрошу больше к моему мужу не приближаться и на пушечный выстрел, – глядя на меня с нескрываемым отвращением, железным тоном, прочеканила она.

Вот так всегда – вроде ничего плохого не сделал, а во всём виноват. Хотя бы попыталась разобраться в ситуации, а не хамить малознакомому человеку. Если уж на то пошло, то это не она, а моя жена должна возмущаться, что её муж, в принципе непьющий человек, второй раз за три дня возвращается пьяным после встречи с каким-то хануриком.

Ханурик – это я сказал обобщённо, ни в коем случае не подразумевая при этом Вадика, к которому проникся безмерной симпатией.

Алиса, в отличие от Валентины, не возмущалась, а лишь попросила не приставать к сыну с расспросами про учёбу, что я обычно делаю, когда хоть чуть-чуть оказываюсь навеселе.

Она у меня умничка, и никакого перетягивания каната у меня с ней нет.

Я, конечно, не стал спорить с Вадиком о правильности его канатного суждения, но уверен, что если человек захотел увидеть перед собой канат с изо всех сил тянущими его оппонентами, то он его обязательно увидит и будет пыжиться победить в этом противостоянии, которое он сам себе и придумал.

Захочет увидеть стены, и вот они уже перед ним. Прочные такие, без окон, чтобы вдохнуть свежего воздуха и дверей, дающих возможность пройти дальше. Откуда это всё берётся? От воспитания в детстве? А может это отголоски поведения ещё первобытных людей, видевших угрозу жизни в каждом, кто не входил в их племя.

А были ли вообще эти первобытные люди? И точно ли мы все их далёкие потомки?

Эх, спросить бы об этом у Вадика; ведь разгадал же он одним махом тайну мироздания. Но боюсь, что это у меня уже не получится.

Какое же у меня было хорошее настроение всего десять минут назад, но жена Вадика не оставила от него и следа; ведь любому человеку станет не по себе, когда его обвинят в том, в чём он нисколько не виноват, ну если только самую малость.

Тем не менее, досада несколько отступила, когда я усевшись на кровати, стал на коленях записывать две понравившиеся мне фразы из нашей беседы. За одну поставил пять баллов, а за шары, несколько поколебавшись – семёрку. Искренность же обоих изречений, я смело оценил десяткой. С каким убеждением это было произнесено Вадиком не оставляло мне другого варианта.

А поговорить с ним мне здесь больше не удалось. Лишь только пару раз, когда, что называется лоб в лоб, сталкивались с ним в обеденном зале, он, не протягивая руки и даже не смотря в мою сторону, почти не открывая губ, сухо произносил – привет.

Его жена меня вообще не замечала, и когда наши маршруты случайно пересекались, сворачивала в сторону или делала вид, что меня знать не знает. Всё говорило о том, что она тоже является активным сторонником идеи перетягивания каната.

Тех читателей, кому понравился, столь приглянувшийся мне Вадим, хочу обнадёжить. Через несколько месяцев я вновь встретил этого интересного человека, причём совершенно случайно, во всяком случае – в моём представлении. Но Вадик убедил меня в обратном.

Хотя не следует забегать вперёд, а обо всём по порядку. Не стану торопить события, а расскажу вам об этом, когда придёт время.

***

Самое удивительное, что о столь понравившихся мне шарах я вскорости услышал снова, правда совершенно в другой обстановке и от абсолютно непохожего на Вадика ни по возрасту, ни по характеру человека. Да и шары были другие, но шары же.

Это общение произошло месяца через два, после нашего возвращения с отдыха, на свадьбе двоюродной племянницы жены.

Для девушки свадьба, одно из самых главных, если не самое главное, событие в жизни. Это момент её триумфа. И каждой уже замужней женщине хочется ещё раз, хоть в какой-то мере, испытать все эти сладостные ощущения, пусть и участвуя лишь в чужом торжестве. Видимо, поэтому, Алиса, прихватив Антошку, решила поехать в ЗАГС, а я присоединился к ним уже на банкете в ресторане.

Мне пришлось немного припоздниться, и когда, сдав пальто в гардероб, я вошёл в зал, то не сразу отыскал глазами свою семью. Если бы жена не помахала высоко поднятой рукой, то я бы ещё долго водил взглядом по столам, занятых многочисленными, празднично одетыми гостями, которых по моим беглым подсчётам было никак не меньше восьмидесяти.

Я подошёл, любя потрепал сына за мочку уха, и чмокнув в губы жену, сел на свободный стул рядом с ней.

– Боря, познакомься, это Николай Петрович, мой двоюродный дядя по отцовской линии, – сказала жена, указывая на соседа по правую сторону, сидевшего на краю шестиместного стола.

– Николай Петрович, кандидат экономических наук, Почётный член общества хозяйственного содействия, награждён грамотой Министерства образования, – отрекомендовался родственник, привстав, и крепко пожимая мне руку, – рад знакомству, неоднократно о вас слышал.

– Борис. Мне тоже очень приятно, – скромно произнёс я, рассматривая совершенно лысого, полного человека в роговых очках, одетого в серый, не первой свежести костюм-тройку давно вышедшего из моды покроя.

Николай Петрович был значительно старше нас с женой, и, по всей видимости, уже много лет находился на пенсии, но сил у него оставалось ещё много, о чём он мне поведал едва я опустился на стул.

– Я преподаю основы мировой экономики сразу в двух высших учебных заведениях. Конечно, приходится нелегко, но когда занимаешься любимым делом, да ещё общаешься с молодёжью, то своего возраста и усталости не замечаешь, – продолжил мой сосед, – надеюсь вы со мной согласны?

По первым же фразам, я понял, что по моей классификации, Николай Петрович относится к не очень любимой мной категории – «радио».

– Да, вы безусловно правы, – согласился я.

– Как вам наша Юляшечка, – поинтересовался он, указывая кивком головы на танцующих в центре зала молодожёнов, – помню её ещё вот такой, – показал он, опуская кисть руки на уровень чуть ниже стола, – бывало придёт с родителями к нам с Ириной Ивановной в гости, и как закричит от радости – дада Коля, дада Коля, обнимет за ногу, прижмётся, и так и стоит. А теперь гляди, какая красавица выросла.

– Действительно, чрезвычайно милое создание, – вновь согласился я, причём совершенно искренне.

К сожалению, мы с нашими родственниками общаемся достаточно редко, и племянницу жены я сегодня видел впервые.

– Главное, чтобы замужество было бы удачным, а то вот у одного знакомого дочка тоже вышла замуж, причём мужа нашла по интернету, а через полгода уже развелись. Он оказался наркоманом и уголовником.

– Да уж, не повезло, что тут скажешь, – отреагировал я.

– Хорошо, что хоть ребёнка завести не успели. А может быть иначе, и человек вроде подходящий, к жене трепетно относится, а она начинает хвостом крутить: и то ей не так и это не хорошо. Вон у нас на кафедре есть одна такая особа, жила с мужем десять лет, ничего худого о нём никогда не рассказывала, а потом вдруг бац, и заявляет нам, что разводится, так как муж ей стал не интересен; не то говорит, не так ходит, не те цветы дарит, храпит по ночам. В итоге оказалось, что она просто-напросто нашла себе молодого хахалю, с которым и захотела жить. Как вам такая история?

– Грустно, и мужика жалко, впрочем, их обоих. Это я о мужиках, – высказал я своё мнение.

– Да, уж, её, финтифлюшку, жалеть точно не стоит. Но это ещё что, бывают истории и похлеще.

Николай Петрович рассказал мне ещё несколько жизненных ситуаций с его родственниками и знакомыми. В одной муж постоянно лупил жену, а она ему всё прощала. В другой, за его родственницей кто-то всё ухаживал и ухаживал, дарил цветы и подарки, но в итоге так и не женился. Остальные рассказы, прошу прощения, я даже не очень помню, да и не хочу

утруждать ваше внимание совершенно банальными историями, которых каждый из нас из своего опыта тоже может рассказать не один десяток.

Он всё говорил и говорил, делая паузы только на время тостов, которые произносили тамада и гости. Мне приходилось делать вид, что его рассказы мне чрезвычайно интересны, и где удавалось, даже вставлял какие-то реплики.

Когда я пытался говорить с женой, то Николай Петрович тянул меня за рукав пиджака, предлагая послушать его очередное повествование.

К своему стыду сознаюсь, что даже не смотря на моё увлечение слушанием, через какое-то время этот двоюродный дядя начал меня раздражать своей бесконечной болтовнёй. Я очень не люблю это достаточно грубое слово, но в данной ситуации оно достаточно полно и ёмко описывает, то, что вещал мне этот кандидат наук.

Зато Алиса была довольной и весёлой, а как же иначе, ведь я вёл милую беседу с её родственником, но самое главное – приглашал её на каждый медленный танец. Которые начались приблизительно через час после моего прихода.

Но каждый раз, когда мы возвращались на место, Николай Петрович, который по причине достаточно преклонного возраста в танцах не участвовал, вновь начинал мне рассказывать историю про своего очередного знакомого.

Чтобы не просидеть всё торжество со столь многословным родственником, я не пропустил ни одного ни быстрого, ни медленного танца. Потом, хотя я вовсе не любитель этого, участвовал в смешных конкурсах, устроенных тамадой, и даже соревновался в беге в мешках, и что удивительно, победил. За это получил приз: тот самый мешок, в котором прыгал.

– Держи, – сказал я сыну, подходя к столу и передавая ему приз.

– А для чего он мне?

– Будешь в школе на переменах тренироваться.

– А зачем? – хныкал сын.

– А затем, чтобы побеждать в соревнованиях, как папка.

– Боря, ну, что ты пристаёшь к ребёнку, – встала на защиту Алиса, отдавая мне обратно приз.

– Да, шучу я, шучу, – успокоил я обоих, положив мешок рядом с ножкой стола.

Когда, я сел на место, то родственник, опять дёрнув меня за рукав сказал:

– Один мой хороший приятель, очень уважаемый и достойнейший человек, тоже как-то соревновался подобным образом. И знаете, у него это так профессионально получалось, будто он этим занимался постоянно.

Я живо представил, как этот уважаемый всеми человек, ради тренировки, бежит по улице в мешке к автобусной остановке и так же возвращается домой. Я заулыбался, что не осталось незамеченным Николаем Петровичем:

– А вы зря ухмыляетесь; ещё один мой знакомы на подобной потехе упал, и до крови расцарапал себе щеку.

– Да, уж не повезло человеку, – отреагировал я, потянувшись ложкой к овощному салату.

Родственник милостиво разрешил мне дожевать помидор, после чего обратил внимание на разноцветные воздушные шарики, множество которых висели под потолком зала.

– Красиво, правда?

– Красиво, – согласился я.

– Вообще, люди любят разные шары, – продолжил родственник.

Услышав это слово, я насторожился.

– Ну, вот рассудите. Во всех спортивных играх так или иначе присутствует мяч, пусть он и не везде абсолютно круглой формы, а иной раз, допустим в хоккее, имеет форму сплюснутого цилиндра.

В этот раз, я с искренним интересом посмотрел на собеседника.

– А как же домино, шашки, шахматы, карты наконец? Или эти – соревнования водителей, забыл как называется, а – автогонки.

– Я говорю исключительно о подвижных играх. А знаете почему людям нравится всё круглое?

Он не дал мне ответить, и продолжил:

– Даже в названии того, чему придают особенное значение используют слово круглое; круглый отличник, круглая дата, круглый стол, круговая порука и тому подобное.

– Круглый идиот – зачем-то вставил я.

– Ну, и это тоже. А знаете, откуда такая любовь? Я думаю, от наших далёких, далёких предков, которые по вечерам, сидя у костра, разведённого перед входом в пещеру, смотрели на луну, звёзды и размышляли откуда это всё взялось, – смотря куда-то под потолок, задумчиво-мечтательным голосом, произнёс Николай Петрович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.